
ТЭССА
Рэй
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ВАМ ЖАРКО, Босс?
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
НЕСНОСНАЯ ПОМОЩНИЦА

Тэсса Рэй

Вам жарко, босс? Несносная помощница

https://litres.ru/74896904
SelfPub; 2026

Аннотация

План был идеален: выкурить нового босса из офиса и обеспечить подруге повышение. Я знала, как это сделать – отвлекать его, бесить, сводить с ума и нарушать все корпоративные правила.

Но все пошло не по сценарию. Я и не подозревала, что случайный красавец из бара, с которым я провела незабываемую ночь, окажется тем самым ненавистным начальником. И этот наглец посмел заявить: Давай забудем, я против отношений на работе!

Ну уж нет. Теперь у меня есть личный повод довести его до белого каления. Ох и жарко вам будет, Анатолий Викторович!

Содержание

1	9
2	14
3	21
4	28
5	34
6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Тэсса Рэй
Вам жарко, босс?
Несносная помощница

Анатолий Викторович Степнов

Возраст: 36 летДолжность: Начальник отдела (временно. Он так думает).Статус: Холост. Свободен. Категорически против интрижек на работе.

О себе (по версии Светы):«Самоуверенный, наглый, помешанный на правилах. Считает, что если он надел костюм, то ему можно указывать, что делать. А после совместной ночи заявил: "Давай забудем". Забудем?! Я тебе устрою "забудем".»

О себе (по версии Анатолия):«Целеустремленный, дисциплинированный. Не смешиваю личное и работу. В людях ценю профессионализм и субординацию. ~~Меня невозможно вывести из себя...~~

Идеальное свидание: Деловая встреча. Строго до 18:00.Отношение к коллегам: Уважительное. Пока они не начинают ходить по офису в слишком коротких юбках и стрелять глазами.

Светлана Николаевна Белкина

Возраст: 26 летДолжность: Помощница начальницы. (И по совместительству – кризис-менеджер по выживанию наглых самцов из кабинета).Статус: Свободна. Но намерена мстить.

О себе (по версии Светы):«Я – командный игрок. Если моей подруге нужно повышение, я горы сверну. И выживу этого Степнова из офиса, даже если для этого придется сводить его с ума 24/7. Он думает, что может просто сказать "забудь"? Наивный. Я – худшее, что случалось с его карьерой. И самое горячее – с его личной жизнью.»

О себе (по версии Анатолия):«Слишком дерзкая. Слишком яркая. Слишком... отвлекает от работы. Уволить не могу (слишком хорошо справляется), придушить тоже. Остается только одно – держаться от нее подальше. *Попытка 1 провалена*».

Идеальное свидание: Пятница в баре. Без имен, без обязательств. И чтобы утром сбежать до того, как он проснется.Отношение к коллегам: Боевое. Особенно к тем, кто носит красные галстуки.

1

Кто включил прожектор? Глаза капец слепит!

И потолок не мой.

Я осторожно повернула голову.

Рядом спал мужчина. И это был не какой-нибудь там “ну нормальный вроде”. Это был обалденный мужик! Просто загляденье! Скулы, щетина, плечо, рука, закинута за голову так, что напрягался бицепс.

Такой утром проснется, скажет комплимент, сварит кофе и потом никогда не перезвонит, но сделает это так красиво, что сама буду виновата.

Как его, блин, зовут? Ни черта не помню!

Вообще ничего не помню. Разве что как его подцепила – или он меня. Увидела у бара, где он стоял с таким лицом, будто ему все равно, есть ли вокруг люди.

Я тогда подошла и сказала какую-то глупость, вроде “вы тут самый трезвый, бесите”, и он засмеялся. Смех у него был низкий, такой, что от него становилось жарко. Во всех частях тела.

Дальше – вспышками. Руки на талии в танце, его ладонь на затылке, такси, где мы целовались, как подростки, и водитель дважды кашлял. Дверь лифта, его пальцы, расстегивающие мое платье еще до того, как лифт доехал.

И потом кровать, и он трахался, как будто сто лет воздер-

живался и не мог натрахаться до самого утра так, что сейчас у меня ныло все – от шеи до пяток.

Особенно пятки. Почему пятки? Я же не бегала. Хотя, может, и бегала. Просто не помню.

Он держал меня за запястья над головой, а второй рукой медленно, издевательски медленно вел по моему телу, останавливаясь, где хотел, и шептал на ухо что-то такое, от чего у меня явно выключились мозги.

А член какой! Я вспомнила! Шик-блеск! И то, что он умел им делать – не просто "туда-сюда", а с такими паузами и углами, что заслуженно займет топ лучших ночных интрижек в моей жизни. Не то чтобы их было много…

Сегодня не было никаких имен, никаких правил. Он, кстати, тоже не спросил. Или спросил в конце, а я ответила и сразу же забыла, что он сказал в ответ.

– Так, – прошептала я сама себе, – надо сваливать.

Нашла трусы у кровати, лифчик – у прикроватной лампы, платье – в коридоре, у двери. Туфли – одна в коридоре, вторая почему-то в ванной.

Я натянула все это, стараясь не дышать. Мужик во сне перевернулся на другой бок и что-то пробормотал.

Я застыла. Сердце чуть, сука, не выпрыгнуло. Он улыбнулся во сне. Вот честно, улыбнулся, засранец.

В ванной я закрылась, села на унитаз, и пока писала, прикрыла себе рот рукой, чтоб не запищать. Растер меня своим орудием пыток, боров ненасытный!

Встала, поправила волосы, глянула на себя в зеркало и сказала вслух:

– Светка, ты дура. Но дура с отличной ночью.

Глянула на телефон, который вот-вот сядет, и на время. Подруга ждала меня в гости на завтрак по нашей субботней традиции. Сейчас было почти десять.

Я выскользнула из ванной, на цыпочках прошла в спальню и посмотрела на мужика в последний раз.

И замерла.

Потому что он был правда шикарный. Не "ой, ну ничего так, симпатичный", а редкий тип, который красиво раздет и красиво одет, и который, еще и работает членом как надо. Но много.

Я нащупала в кармане сумочки квитанцию и ручку – и уже почти написала свой номер на квитанции. "Света. 8-9-1…"

Прекратила.

Не! Нафиг!

Унижаться не хотелось. У меня была такая история в прошлом – оставила номер, ждала, написала первой, и потом полгода играла в игру "кто здесь меньше себя уважает".

Нет. Если захочет – найдет. Как? Хрен его знает. Если ему надо, он и без бумажки справится.

Я положила квитанцию обратно, поправила волосы, понимая, что от этого они только хуже, и вышла.

На пороге все-таки обернулась. Он спал так, будто ему было абсолютно все равно, останусь я или нет. И это было са-

мым привлекательным и самым бесящим одновременно.

В такси было тепло и пахло елочкой. Я смотрела в окно на просыпающийся субботний город и тихо себя ненавидела. Зачем не оставила номер? Он же шикарный! Он бы позвонил. Может, не завтра, может, через три дня, но позвонил бы. А теперь – все.

– Дура! – сказала себе.

Водитель посмотрел на меня в зеркало.

– Что, простите?

– Ничего. Я сама с собой.

Я набрала подруге:

Я: *Я уже близко.*

Подруга ответила голосовым, где вместо слов был сначала крик на кота.

У подруги, Верки, дверь открылась сразу – и тут же из-за ног вылетел кот, огромный, полосатый, с характером террориста. За ним с воплем носилась пятилетняя Машулька в колготках на голове.

– Стоять! – орала Маша. – Ты преступник! Ты в тапки папе накакал!

Кот ловко затормозил у порога, посмотрел на меня с таким видом, будто это я была виновата во всем, и скрылся за диваном.

В коридоре стояли мужские тапки. В одном из них лежало то, что Маша так метко описала. Верка только вздохнула:

– Это уже третий раз за неделю. Кот объявил Славке вой-

ну. Я вообще не знаю, кто у нас в доме главный.

Мы прошли на кухню. Верка поставила чайник и уставилась на меня, когда я налила воду прямо из-под крана и выпила залпом.

– Ты почему в том же, в чем и вчера в баре? – спросила Верка, поднимая бровь. – И, кстати, прости, что пришлось тебя бросить. Моя Машулька вчера дала жару – у нее зуб выпал, истерика, я думала, соседи вызовут полицию.

Я поставила стакан и выдохнула.

– Ой, Верка. Я тебе сейчас такое расскажу.

2

Несколькими часами ранее.

– Ты вообще нормальная? – спросила я Верку, когда она, еще не успев толком выпить коктейль, понеслась обратно домой, сверкая пятками. – Бросить меня вот так, посреди бара, с неозвученным планом!

– Ну прости, Светусь! – чмокнула она меня в щеку. – С меня коктейль. И завтра жду на завтрак, не опаздывай.

Я проводила ее взглядом и осталась одна за барной стойкой, печально вздохнула.

И вот тут меня, честно говоря, взяла легкая зависть. Верка пашет как проклятая всю неделю – я знаю, я с ней работаю, – и все равно каждые выходные она с семьей.

У них даже завтраки по субботам, святое: она никуда не выходит – ни в бар, ни к подругам, ни по делам. Муж, дочь, кот. А я?

А что я? Одинокая, живу в однушке в центре, в свое удовольствие, никто меня не ждет, даже кот не заведен – не потому, что не люблю котов, а потому, что привязываться особенно не хочу. Все свободные вечера мои, и я их трачу на… на что? На себя.

Я заказала что-то кислое для себя любимой и полезла в телефон, абсолютно ни на что не рассчитывая.

А потом подняла глаза – и увидела его.

Он стоял в другом конце зала, у окна, со стаканом янтарной жидкости в руке, и на нем была водолазка, темная, тонкая, которая обтягивала его плечи и бицепсы так, будто ее шили на заказ по мерке.

Широкоплечий, высокий, со спокойным пофигистичным лицом. Он выглядел недосягаемым. Как вызов, который мне захотелось бросить. Наверное, во мне в тот момент говорила скука, а может, второе кислое. Я допила его, встала и пошла.

– Вы тут самый трезвый, – сказала я, останавливаясь рядом. – Бесите.

Он обернулся, посмотрел на меня сверху вниз, сначала удивился, а потом засмеялся. Низко так, от живота. А потом его взгляд опустился, всего на секунду, на мое декольте и вернулся к лицу.

– Это ненадолго, – сказал он. – Но раз уж вы так настойчиво решили меня спасти от трезвости, я могу вам предложить сделку. Вы пьете со мной, а потом мы поедем ко мне, и я вам покажу, что умею делать с женщиной, которая говорит мне, что я ее бешу.

Он сказал это спокойно, без ухмылки, будто обсуждал погоду. И мы оба сразу все поняли. Где окажемся в этот вечер.

Дальше был час, за который я, наверное, ни разу не перевела дыхание нормально. Мы общались, флиртовали, прожигали друг друга взглядами через бокал – многообещающими, такими, от которых у меня между ног все стягивалось.

Он угощал меня коктейлями, а сам пил дорогой виски, и

когда я спросила, что за повод, он сказал – перевод в новую фирму, повышение, что-то в этом роде.

Я, честно, даже не слушала. Я смотрела на его губы и мечтала только об одном: заткнуть его рот, сев на него. И он, кажется, это читал по моему лицу, потому что в какой-то момент просто поставил бокал и сказал:

– Все. Поехали.

В такси мы не разговаривали, а все время целовались – долго, жадно, как будто до этого весь вечер только и делали, что сдерживались.

У него в квартире было темно и тихо. Мы не дошли до кровати метров три. Он прижал меня к стене в коридоре. Его руки были везде – на спине, на талии, на затылке, – и я тянула с него эту водолазку, а он мне помогал, и когда я наконец увидела его плечи, грудь, этот пресс, я поняла, что мне не все равно, что будет дальше. Мне было очень не все равно.

Он поднял меня, я обхватила его ногами, и он понес меня в спальню. Он делал все так, как будто точно знал, что мне нужно, и еще чуть-чуть больше, чем я сама знала.

Он положил меня на кровать, и я ждала, что сейчас все будет красиво. Киношное такое раздевание, с медленными движениями, с поцелуями в шею, со взглядом в глаза.

И он действительно начал так – расстегнул молнию на платье не спеша, потянул бретельку лифчика вниз, посмотрел на меня, и у меня от этого взгляда все поплыло.

А потом он наклонился, и я перестала думать вообще.

– Ты вообще понимаешь, что делаешь с мужиками этим своим декольте? – выдохнул он, когда его язык прошелся по соску, прикусил и потянул, и у меня спина выгнулась сама, без моего разрешения.

– Конечно понимаю, именно поэтому ты здесь, на мне. А ты себя видел? Что это еще такое: бицепс Халка или…

– Молчи, – сказал он мне в кожу. – Ты слишком много говоришь.

Он спустился ниже, провел ртом по животу, обвел языком пупок, а потом раздвинул мне ноги коленом, без всякой деликатности, и я почувствовала его дыхание там, где все уже было мокро и пульсировало. Я вцепилась в простыню.

– Не надо… – начала я, но это было такое “не надо”, после которого все нормальные мужчины делают ровно наоборот.

Он и сделал.

Первое касание языком – и я дернулась так, что чуть не съехала с кровати. Он держал меня за бедра и не давал уйти, а язык двигался – то плоско, то острием, то кругами, – и он все время смотрел вверх, на мое лицо, сука, как крокодил из воды.

Я стонала как потерпевшая, и это было некрасиво, громко, на весь этот чужой шикарный дом.

– Тише, – сказал он, отрываясь на секунду. – Соседи.

– Боишься, что они захотят присоединиться? – выдохнула я, и он засмеялся мне прямо туда, и от этого смеха я почти кончила, честно, почти.

Он довел меня до края – и остановился. Просто убрал рот и посмотрел на меня. Я лежала, тяжело дыша, вся мокрая, трясущаяся, и не понимала, что происходит.

– Какого черта?

– А ты как думала, – спокойно ответил он, вытирая губы тыльной стороной ладони. – Кто-то же должен тебя… побесить.

– Я тебя сейчас убью.

– Попробуй.

Я попробовала. Потянулась к нему, схватила за плечи, чтобы притянуть обратно, а он перехватил мои запястья и прижал к подушке над головой – и вошел в меня.

Я вскрикнула. Не сдержалась, вот честно. Он вошел глубоко, сразу, до конца, заполнил меня так, что все внутри сжалось вокруг него.

– Ох, твою мать, ты здоровый!

Он самодовольно оскалился и начал двигаться.

Я вцепилась в его плечи ногтями – так, что утром, я потом увидела, остались следы, четыре красные полосы. Он двигался не быстро. Ровно, глубоко, с паузами – выйдет почти до конца, замрет на секунду, и потом снова медленно, тяжело, до упора.

От этих пауз у меня внутри все плавилось, и я слышала, как мы звучим – мокро, громко, абсолютно неприлично, – и мне было плевать. Мне было так плевать, что я даже не краснела.

– Еще, – просила я. – Не останавливайся.

Он остановился. Просто замер, глядя мне в глаза.

– Светлана, – сказал он, и я вздрогнула от того, что он вообще запомнил мое имя, – ты когда просишь, проси вежливо.

– Я тебя сейчас придушу, – прошипела я и, сладко улыбнувшись, добавила: – Вежливо.

Он засмеялся и поймал меня за ногу, прижал к кровати, и продолжил – снова медленно, издевательски, и я поняла, что этот человек меня доконает.

Я выгибалась, я стонала ему в шею, я кусала его за плечо, и он только дышал тяжелее, и вот это его тяжелое дыхание возле моего уха было, наверное, самым горячим, что я слышала за свою жизнь.

– Хватит, – выдохнула я наконец. – Дай мне побыть сверху.

Он перевернулся, лег на спину, и я села на него – и вот тут всё встало на свои места. Я сделала то, о чем мечтала весь вечер у бара, пока он пил свой виски и рассказывал про работу, о которой я не слушала.

Я села и заткнула его. Он поддержал мою инициативу и дал мне возможность обскакать его рот и язык. Но потом я все-равно вернулась к члену. Потому что такую красоту нельзя игнорировать. Просто неприлично.

Держась за его грудь, чтобы не упасть, я двигалась так, как хотела, и он позволил мне это, только руки положил мне на

бедра и сжимал, направлял, и когда я замедлялась, он поднимал меня и опускал сам.

– Вот так, – сказал он хрипло. – Вот так, молодец. Можешь быть умницей, когда хочешь.

Я почти рассмеялась от его слов, но было не до смеха. Я чувствовала, как подхожу к пику, и он это тоже почувствовал – приподнялся, обхватил меня, прижал к себе, и я кончила, уткнувшись ему в шею, содрогаясь вся целиком.

Он еще пару раз толкнулся, тяжело, глубоко, и замер, и я почувствовала, как он пульсирует внутри, и как его руки сжимаются на моей спине так, что почти больно.

Мы лежали. Я – на нем, вся мокрая, липкая, с растрепанными волосами, и мне было так хорошо, что я не могла пошевелиться.

– Ты офигенно трахаешься, – сказала я в его плечо, не думая.

– Ты тоже, – ответил он.

Я засмеялась. Он тоже. И мы продолжили…

3

Настоящее время

– И вот, – сказала я, откидываясь на спинку стула и пододвигая к себе поближе печенье, – мы так и уснули. Я на нем, он подо мной, за окном рассвет, я мокрая везде…

– Тише ты, тише! – Вера замахала руками, потому что у нее горели щеки. – Машунька же. Дверь в комнату открыта!

– А она что, слышит?

– Она не слышит, когда мне надо, а когда не надо – все прекрасно слышит! – Вера покосилась на коридор, прислушалась, потом наклонилась ко мне и прошептала с восторгом, который никак не вязался с ее попытками меня приструнить: – И он правда тебя три раза кончить заставил?

– Вера, ты же сказала быть тише.

– Что?! Я просто уточняю!

– Да. Правда. Я тебе клянусь, я не знала, что так бывает. В моей жизни если мужчина и старался, то с таким лицом, будто делает мне одолжение. А этот… – я задумалась, подбирая слово, – этот просто знал, что делает. Все. Каждую секунду. И еще чуть-чуть сверху.

Вера откинулась на спинку стула и посмотрела на меня с уважением.

– Светка, ты все-таки умудрилась вляпаться.

– Умудрилась, – согласилась я и тут же сникла. – И номер

не оставила.

– Что?! – Вера аж подскочила. – Ты серьезно?

– Серьезно. Стояла, думала, ручку даже взяла. И не написала.

– Почему?!

– Потому что не хотела потом унижаться и ждать, когда он позвонит, – сказала я. И честно добавила: – И вот прямо сейчас жалею.

– Дура ты, Света, – сказала Вера, но не зло, а по-дружески, как говорят, когда тебе действительно жаль человека. – Мужик невероятный, а ты бумажку пожалела. Я бы на твоем месте на лбу ему свой номер написала.

– Нет, нельзя было на лбу, там и лоб, сука, красивый.

Вера подошла и обняла меня, а потом понюхала и засмеялась:

– От тебя пахнет мужиком и кексом.

– Мамочка, я хочу кексики, – выдала малышка, выходя из засады. Мы с Верой переглянулись и засмеялись. Она весело, а я – грустно.

Мы еще с полчаса перемывали моему ночному мужику кости, и я, каюсь, раз пять повторила, что это был за член, потому что, честно, такое не каждый день в жизни случается, а Вера каждый раз закатывала глаза, шикала на меня и одновременно просила подробностей.

Потом мы допили чай, я убрала за собой чашку, и Вера вдруг посерьезнела.

– Ладно, хватит про твоего красавчика. Слушай сюда. У меня к тебе дело.

И она рассказала.

– Короче, нашу организацию продали конкурентам, и не просто слух – приказ уже подписан.

– Да ладно? Жесть…

– Сверху прислали еще одного руководителя, который должен все перестроить, придумать новую структуру, в общем, навести порядок.

– А ты, типа, не справляешься?

– Да не в этом дело. Нам обоим пообещали одно кресло – директора регионального отдела – тому, кто покажет лучшие результаты. Я со своими старыми показателями или этот новый босс, Степнов Анатолий Викторович.

– Это что еще за соревнования? Может, они бы лучше сплотили новый коллектив, а не настроили вас друг против друга?

– Вот именно! Ну, мы же женщины. Мы должны быть хитрее, мудрее и вообще, вместе мы сила.

– Выкладывай.

– У меня к тебе просьба, – сказала Вера. – Точнее, предложение. Мне нужно, чтобы ты временно перевелась к нему секретарем. Помощницей. Все документы я уже подписала, с понедельника ты на него работаешь.

Я уставилась на нее.

– Стоп. Я на тебя работаю.

– Формально – да, – кивнула Вера с видом человека, который все продумал. – Уволить тебя он не сможет, потому что ты изначально в моем штате и переводишься на время, а не переходишь. Это прописано в приложении. То есть подчиняешься ты мне, а сидишь у него. И сливаешь мне все – что он делает, какие планы, с кем встречается, где ошибается.

– Вера, ты мне предлагаешь шпионить.

– Я тебе предлагаю помочь подруге выиграть кресло, которое по праву мое, – спокойно сказала она. – Потому что я тут пять лет горбатилась, а его прислали только что. Ты сама подумай.

Я подумала. И поняла, что вообще-то она права.

– Ладно, – сказала я. – Шпион из меня, конечно, как и балерина. Но ладно.

– Между прочим, у тебя неплохая растяжка, я видела тебя на пилатесе.

– Где ты видела балерину с четвертым размером? Лучше скажи мне вот что. – Я хитро прищурилась. – Ты фотку нового босса видела? Он красавчик или сморщенный старикан?

– Не знаю, – пожала она плечами. – Его так быстро назначили, что никто толком в курс не введен. Да и какая разница, тебе же с ним не спать.

– И то верно, – сказала я, и мы обе засмеялись, как школьницы, а потом из комнаты вышел муж Веры, Славик, который в этот момент проходил мимо, неся на руках Машуньку, и посмотрел на нас так, будто решал, стоит ли вообще знать,

что тут происходит.

Мы еще немного поговорили, Вера собралась – они с мужем и Машунькой шли в кино, на мультик, и я ее прекрасно понимала: суббота, семья, только вместе. Я уехала домой отсыпаться.

Дома я первым делом упала в кровать, и меня хватило ровно на то, чтобы снять платье и натянуть старую футболку. Перед тем как провалиться, я почему-то принюхалась к своему плечу.

Мне показалось – а может, и не показалось, – что я даже после душа все еще пахну им. Такой теплый запах, не парфюм, а просто он. Я лежала, улыбалась в потолок и думала, что если бы у меня было две жизни, во второй я бы все-таки, наверное, оставила этот номер. А потом уснула.

Все воскресенье я отсыпалась и ничего не делала. Позволила себе полениться. И не испытываю по этому поводу никаких угрызений совести.

Наутро – ну, то есть в понедельник – я вышла пораньше. Не потому что горела энтузиазмом, а потому что на новом месте лучше появляться до всех, тогда ты выглядишь человеком, у которого все под контролем.

Я приехала за полчаса до официального начала, с кофе в руке, на каблуках, в блузке, которая не вызывала вопросов.

И офигела.

В приемной еще никого не было, коридор был пуст и тих, но дверь кабинета нового начальника была открыта, и внут-

ри горел свет. Я остановилась, посмотрела на часы – без десяти восемь. Я думала, что буду первой.

– Хм, – сказала я вслух, поправила блузку и пошла стучать.

Постучала. Изнутри раздалось:

– Да, войдите.

Голос. Я замерла с поднятой рукой, потому что мне этот голос показался знакомым. Я не смогла сразу понять, где его слышала, но где-то слышала.

Я открыла дверь, вошла и остановилась в дверях, потому что человек за столом был занят – он сидел в кресле спиной, что-то сосредоточенно читал, и я видела только темную ткань пиджака и плечи.

– Доброе утро, – сказала я как можно ровнее. – Меня зовут Светлана, я ваш новый секретарь, временно переведена к вам от Веры Павловны. Могу я предложить вам кофе?

Он развернулся в кресле. Оторвал взгляд от страницы. И увидел меня.

Я увидела, как его лицо меняется – сначала ничего, просто взгляд скользнул по мне, потом что-то зацепилось, потом он моргнул, и в глазах появилось узнавание.

Такого шока я не видела никогда.

Он смотрел на меня, а я – на него, и до меня медленно доходило.

Широкие плечи. Темные волосы. Скулы. Тот самый мужик из бара. Из той самой шикарной спальни, из того самого

утра, которое я так аккуратно выползла.

Он открыл рот, потом закрыл. Потом откинулся в кресле, посмотрел на меня еще раз – уже внимательнее – и выдохнул, тихо, с каким-то даже восхищением:

– Твою ж мать!

4

Если бы меня в этот самый момент переехал товарняк, клянусь, я бы даже не заметила.

Он смотрел на меня, и я – на него. Как два дебила.

В кабинете повисла такая тишина, что я слышала, как в коридоре кто-то простучал каблуками мимо двери.

Блять, тот самый мужик. Тот самый, на лице которого я неплохо так порезвилась, и тот самый, чей член я расхвалила Вере на кухне под печенье.

И он теперь мой босс?

У вселенной там что, совсем в жопу пьяные сценаристы еще с пятницы? Алле! Просыпаемся, трезвеем и возвращаем мне мою скучную мелодраму обратно. Мне нахера эти повороты сюжета?

Я собралась первой. Проглотила все, что вертелось на языке, приклеила на лицо нормальную рабочую улыбку и сказала:

– Привет.

И вот тут случилось то, чего я, наивная романтичная дура, совсем не ожидала.

Сначала он моргнул и на лице вспыхнуло что-то такое теплое, почти мальчишеское. Уголок рта дернулся вверх, он чуть подался вперед, будто хотел встать, и я прямо кожей чувствовала: он рад. Он реально рад меня видеть.

У меня внутри все залилось горячим сиропом. Мозг, который еще утром орал “ну, сбежала – и красотка!”, вдруг затих и робко пискнул: “А может, он искал?”

Я уже почти открыла рот, чтобы сказать что-то вроде “я тоже думала о тебе”, как вдруг он моргнул еще раз. И все. Магия закончилась.

Взгляд красавчика метнулся в сторону – на дверь, на стол, на папки, на этот дурацкий офисный свет. Как будто он только что вспомнил, где находится.

Он откашлялся в кулак. Поправил красный галстук – вот честно, я готова была поклясться, что этот жест был не про галстук, а про то, чтобы спрятать за ним свое лицо.

Собрался. Выпрямился. И на меня снова смотрел начальник.

– Доброе утро, Светлана, – сказал он голосом, как из методички. – Да, кофе, пожалуйста.

Я кивнула, чувствуя, как сироп внутри превращается в ничто.

– И давайте сразу кое-что проясним…

Он сложил руки на столе, как на совещании, как будто мы обсуждали квартальный отчет, а не то, что было той ночью.

– Я не знал, кто ты. Клянусь, я не знал.

Я смотрела на него и моргать не решалась. Не хотела ничего упустить.

– Если бы знал, что ты будешь здесь работать, я бы… – он запнулся, подобрал слово, – я бы не позволил себе ничего

в ту ночь.

“Не позволил себе ничего”. Ага. Значит, это было “ничего”. Значит, я – “ничего”. Отлично. Просто отлично!

– Я не знал, прости, – продолжил он. – Но у меня есть правило, и оно для меня не пустой звук: отношения на работе с кем-то из подчиненных – табу. Я обычно так не поступаю. Поэтому предлагаю забыть. И работать.

Он замолчал и посмотрел на меня взглядом “прости-так надо-не смотри на меня так”.

Я чуть не рассмеялась. Нервно. Истерически. Как в кино, когда героиня понимает, что ее только что красиво по-мужицки отшили в первый же рабочий день.

Но я не рассмеялась, а сделала то, что делают все нормальные женщины, когда их только что кинули.

– Хорошо, – сказала я, и улыбка у меня была такая профессиональная, что хоть на корпоративный сайт вешай. – Забыли. Кофе с молоком или без?

Он моргнул. Кажется, не ожидал.

– Без.

– Отлично. – Я развернулась на каблуках. – Без молока. Без сахара. Без ничего. Все как вы любите.

И вышла, аккуратно прикрыв дверь.

За дверью я прислонилась к стене, выдохнула и посмотрела на потолок.

Ну спасибо, хотя бы честно. Мог ведь и сделать вид, что вообще ничего не было. Или, наоборот, начать подкатывать.

А он вон как – табу, забыть, работать.

Руки тряслись.

Я пошла к кофемашине, стояла и смотрела на кнопки, которые знала наизусть, а сейчас не понимала, куда нажимать. И в голове было только одно: этот человек видел меня голой, он делал со мной такое, что я до сих пор помню все в малейших деталях.

Я нажала не ту кнопку, аппарат зажужжал и плюнул на меня в порыве кофейного презрения. Я выругалась себе под нос, вытерла брызги с моего новенького пиджака. Черт!

Сняла его попробовала оттереть пятна, но зря. Оглядела себя в зеркало – майка, конечно, под пиджаком не рассчитана на то, чтобы носить ее вот так открыто. Но я не виновата.

А пиджак жалко.

В носу защипало, и это точно из-за дорогой шмотки и ни разу не из-за мужика. Потому что я никогда не плачу из-за мужиков. Даже из-за таких.

Собралась. Выдохнула, досчитала до пяти. Достала телефон и начала строчить Вере.

Я:*СОС. Вера. Это катастрофа. Новый босс – это мужик из бара. Тот самый! Когда ты придешь в офис? Перезвони. Это не шутка!*

Отправила, убрала телефон. Взяла чашку.

И прежде чем идти обратно, я машинально поправила декольте. Не потому, что планировала что-то. Просто руки сами.

Пошла к нему. Дверь была приоткрыта, он с кем-то говорил по телефону, и я вошла тихо, наклонилась поставить чашку на стол перед ним – и услышала, как он посреди фразы сбился.

– …и я считаю, что этот вариант стоит рассмотреть в первую очередь, потому что… – он замолчал.

Я поставила чашку.

– …потому что, гм. – Он кашлянул. – Мне нужно вам перезвонить. Да. Я наберу.

Он положил трубку и посмотрел на меня. Я выпрямилась.

– Что-то еще, Анатолий Викторович?

– Нет, – сказал он. – Спасибо. Можете идти.

Он старался изо всех сил не опускать свои наглые "давайте забудем" глазюки на мое декольте. Я помню-помню, что ты сказал тогда о моих сиськах! И о том, что они делают с мозгами мужиков. Теперь вижу.

Вышла. Закрыла дверь. И вот тут, за дверью, я улыбнулась первый раз за утро.

Я вернулась на свое место, села, открыла ноутбук и задумалась.

Шпионить за ним для Веры?

Хм, теперь меня не терзали муки совести, о нет! Теперь я это сделаю. И с удовольствием!

А после того, как он вот так – табу, забыть, работать – я решила, что этого мало. Он хочет забыть? Хорошо. Я ему устрою такое, что он не забудет до конца своей карьеры в

этой фирме.

Секс-ад на земле, вот что!

Никаких прикосновений, ничего запрещенного, все по правилам, обижаться будет не на что. Просто каждый день рядом с ним будет человек, которого он помнит, и я буду делать вид, что не помню.

Декольте, каблуки, случайные наклоны, взгляды ровно на секунду дольше, чем нужно. И полное, идеальное, безупречное "Анатолий Викторович".

Он сам сказал, что правило для него не пустой звук. Вот и посмотрим, какое оно на самом деле.

Я открыла мессенджер и написала Вере еще одно сообщение:

Я:*Отбой паники. План такой: шпионю, как договаривались. Но бонусом он у меня получит. Потом расскажу. Фотку нашего босса не ищи, я его уже видела. Во всех смыслах.*

5

Вера влетела ко мне в приемную в девять пятнадцать, как метеор, и с порога объявила:

– Белкина, ко мне. Живо.

Я отложила телефон, на котором как раз открывала календарь совещаний, и пошла за ней в ее кабинет. Вера закрыла дверь, подперла ее спиной, будто за нами кто-то гнался, и уставилась на меня с таким лицом, с каким смотрят финальную серию сериала, где главную героиню только что бросили у алтаря.

– Ну? – выдохнула она. – Это правда?

– Что именно?

– Что наш новый начальник отдела – тот самый пятничный красавчик с супер-членом?

Я села в кресло для посетителей и положила ногу на ногу.

– Да, тебе придется тягаться за должность директора с "супер-членом".

Вера всплеснула руками, обошла стол и плюхнулась в свое рабочее кресло.

– Бля, Свет, это только ты могла в такое влипнуть, ей-богу! Так только в кино бывает! И с тобой.

– Какое кино, Вер? – я даже подалась вперед. – Кино – это когда человек тебе цветы дарит, на свидание снова зовет, добивается. А не вот это вот все: "Доброе утро, Светлана. Да-

вайте забудем. Для меня служебные романы табу". Как будто я к нему сама домогалась!

– И что, прямо вот так сказал? "Забудем"?

– Дословно. "У меня правило – никаких отношений на работе. Предлагаю забыть. И работать". Представляешь? Я, между прочим, тоже имею правила. И одно из них – не спать с начальством. Но у меня, видимо, правило, а у него – священный кодекс.

– И тебе обидно? – спросила Вера. Точнее, констатировала.

– Мне не обидно. – Я помолчала. – Я уже привыкла, что все мужики мудаки. Просто некоторые из них отлично трахаются. Это даже как-то обиднее.

Вера постучала ногтем по столу – раз, другой, третий. Жест, когда она что-то просчитывает. Вера дома и в офисе – два разных человека.

Хотя Степнов в постели и на работе – тоже.

– Так, давай по делу. Хочу на него глянуть. Скоро у нас совещание директоров, нужно подготовиться. Как он вообще, адекватный?

– Адекватный. Собранный. Спину держит так, будто на штырь сел. – Я пожала плечами. – Работает много. Кофе хлещет как воду. Во время телефонного разговора сбился пару раз. – Тут я сделала паузу ровно настолько, чтобы Вера поняла, что это – самое интересное. – Когда я в кабинет вошла.

– Ты в кабинет вошла, – повторила Вера медленно. – В

этой майке? У нашего Толеньки глаза на лоб не вылезли?

Я позволила себе улыбнуться.

– Он вспотел. Совсем немного.

– Белкина, ты опасный человек.

– Я хороший секретарь. Просто декольте уровня высшего "стратегического отвлечения".

– Бедный Степнов.

Мы похихикали, – совсем как в институте и Вера вдруг посерьезнела.

– Ладно. Шпионская часть плана в силе?

– В силе. Снимаю копии со всего, что подписывается. Пока ничего интересного, но я только начала.

– А *не*шпионская часть? – Вера сделала акцент на "не".

– А не шпионская часть – моя личная война теперь. Я его выдрессирую. Или выбешу. Пока не решила. – Я встала. – Мне пора. Нужно подготовить переговорную к вашему директорскому совещанию. Стулья расставить, воду в бутылках, все по фэншую.

– Надень хоть мой запасной пиджак, садюга.

– Нет.

– Бедный "фэншуй" нашего Анатолия… – вздохнула Вера.

Я вышла.

В приемной было тихо и пусто.

Степнов ушел на встречу с подрядчиком, и его кабинет стоял с приоткрытой дверью, как будто выдыхал застояв-

шийся воздух.

Я села за свой стол, включила компьютер и взялась за план рассадки на совещание. Дело нехитрое: директора, замы, Вера вот в этом кресле, Степнов в торце…

И тут я почувствовала запах.

Его парфюм. Я вдохнула – и воспоминания ударили в голову без всякого предупреждения, как ток.

Я вспомнила его шею и как я прижималась к ней ртом в темноте спальни, как терлась губами о шершавую щетину и кусала – сначала пробуя, потом уже не сдерживаясь. Я помнила, как гулко билась его жилка у основания, где плечо переходит в шею, и как я кусала ее.

И этот запах – горьковатый, древесный, с чем-то теплым, почти съедобным – бил в нос, смешиваясь с запахом его кожи.

Он держал меня за бедра, прижимал к себе так, что я всей грудью чувствовала его сердцебиение, и его запах был везде: на моих руках, на моих волосах, в моих легких.

Я, блин, кончала – с этим запахом в носу и на себе!

А теперь он был в воздухе приемной – тонкий, разбавленный кофе и канцелярией, но, сука, узнаваемый настолько, что хотелось выть!

Я потрясла головой, сбрасывая наваждение, и сказала вслух, негромко, только для себя:

– М-да, Света. Будет трудно.

Я отодвинула план рассадки, откинулась в кресле и уста-

вилась в потолок, как будто там был ответ.

– Я справлюсь. Но это не точно.

И взяла ручку. Потому что справиться с этим можно было только одним способом: работать.

Ближе к двум вернулся Степнов и первым делом, проходя мимо моего стола, спросил:

– Светлана, все готово к совещанию?

– Все готово, все по фэншую, Анатолий Викторович, – вежливо ответила я, поднимая на него глаза. – Вода, стулья, проектор проверен, Вера Сергеевна предупреждена, розетки работают.

Я говорила абсолютно нормальные вещи, рабочие, правильные. Но мои глаза, предатели, жили своей жизнью. Пока рот произносил, взгляд сполз вниз и остановился на его паху.

Просто посмотрела секунду, ну ладно, может, две. Я даже не сразу поняла, что делаю, а когда поняла, было уже поздно: он проследил за моим взглядом.

У него дернулся глаз.

– По фэншую, значит, – повторил он медленно. – Светлана, а вы уверены, что ваш фэншуй именно там, куда вы смотрите?

– Я оцениваю общую эргономику пространства, – отрезала я максимально деловым тоном. Держим лицо, Светлана, краснеть и сожалеть будешь потом!

– Вот как это называется. – Он кивнул. – Понятно. Комплексный подход к рабочему процессу. Похвально.

Тон у него был ровный, почти официальный. Но уши – я готова была поклясться – стали чуть розовее, чем полагается уху начальника отдела в середине рабочего дня. И губы он поджимал так, будто изо всех сил старался не улыбнуться.

– Что-то еще, Анатолий Викторович? – спросила я как можно невиннее.

– Нет. Все. Работайте.

Он развернулся и направился к себе в кабинет. Шел, обернувшись через плечо – смотрел на меня, а не перед собой, – и вписался плечом в дверной проем. Не сильно, скорее обидно.

А потом тихо чертыхнулся и все-таки вошел в кабинет. Дверь за ним закрылась.

Я сидела неподвижно секунды три. Потом уткнулась лицом в ладони и засмеялась так, чтобы не было слышно.

Насмеявшись, я вздохнула, посмотрела на свое отражение в темном мониторе – щеки горели, глаза блестели, как у нашкодившего кота, – и прошептала:

– А что, мне пока все даже нравится.

А потом взяла себя в руки, поправила майку, отодвинула папку и стала печатать повестку совещания. Стучала по клавишам чуть громче обычного, стараясь изо всех сил не замечать, что в приемной все еще пахло его парфюмом.

Полтора часа до директорского совещания. Полтора часа, чтобы придумать, как смотреть исключительно в глаза.

6

Совещание началось в четыре и продлилось ровно сорок семь минут – я засекла, потому что в какой-то момент мне стало нечем себя занять, кроме как смотреть на часы… и на него.

Вера пришла первой, села в торце, разложила перед собой блокнот с таким видом, будто собиралась допрашивать, а не совещаться.

Я принесла кофе, проверила проектор, принесла распечатки и вышла из переговорной.

Дальше я наблюдала через приоткрытую дверь приемной – не подслушивала, а так, контролировала рабочий процесс. Степнов вел совещание спокойно и плотно, без лишних слов. Отвечал на вопросы коротко, но точно, не вилял, не ссылался на обстоятельства.

Вера задавала каверзные вопросы про бюджет и штат, он отвечал цифрами. Я видела, как она несколько раз поднимала на него глаза – и каждый раз чуть дольше, чем требовало дело.

Когда все вышли, Вера задержалась и, проходя мимо моего стола, показала большой палец. Просто большой палец, молча, с совершенно бандитским выражением лица.

А через минуту в мессенджере у меня уже висела куча сообщений подряд.

Шефиня (из-за нее я теперь секретарь супер-члена): *Света. Светаааааа*

Шефиня (из-за нее я теперь секретарь супер-члена):*Он горячий!*

Шефиня (из-за нее я теперь секретарь супер-члена): *Я поняла. Я тебе не завидую, я тебе сочувствую.*

Шефиня (из-за нее я теперь секретарь супер-члена): *Как ты вообще там сидишь?*

Шефиня (из-за нее я теперь секретарь супер-члена): *Он говорит и отвечает как бог, я почти кончила! (Славке не говори!)*

– Дурочка! – усмехнулась я и убрала телефон.

Пошла приводить переговорную в порядок. День клонился к шести. В офисе становилось тихо – сначала ушли бухгалтерия и логистика, потом аналитики, потом кто-то еще, и остались только мы. Я и мой босс.

Я уже почти забыла о нем, раскладывала повестки в папки, когда услышала, как в кабинете за спиной скрипнуло кресло, потом шаги, потом дверь.

– На сегодня я закончил, Светлана, – сказал Анатолий Викторович, останавливаясь у моего стола с пальто в руках. – До завтра.

– До завтра, Анатолий Викторович, – сказала я, даже не поднимая на него глаза, но все равно он был в периферии моего зрения.

Он кивнул, но не ушел, постоял еще секунду, переложил

пальто с руки на руку – мне показалось, что он хочет что-то сказать.

Я посмотрела на него, подождала, но он молчал.

– Что-то еще, Анатолий Викторович? – я выгнула бровь.

Он посмотрел на меня, потом куда-то в сторону, потом опять на меня.

– Нет. Ничего. Хорошего вечера.

И ушел.

Я медленно выдохнула, сама себе удивляясь. Почему-то от этого "нет, ничего" у меня в груди – пусто и одновременно тяжело, как перед экзаменом?

Посмотрела на закрытую дверь, потом на часы, потом снова на дверь. И, сама не понимая, зачем, встала и зашла в его кабинет.

В кабинете было темно, свет я включать не стала – только настольную лампу.

Стол у него был аккуратный до неприличия: ноутбук, органайзер, пара папок, стакан с остывшим кофе.

Я оглянулась через плечо – глупо, потому что в приемной никого не было, – и потянула средний ящик стола. Канцелярия, блокноты и визитки. Верхний открылся туго, я дернула сильнее, и он выехал весь, с глухим стуком.

Там, поверх бумаг, лежала салфетка.

Квадратная, плотная, с тиснеными буквами бара, где мы сидели с Верой в пятницу. Я узнала бы ее из тысячи. На салфетке, синими чернилами, размашистым почерком – его по-

черком – номер телефона. Мой номер телефона.

Я же звонила в бар, чтобы забронировать столик.

Смотрела на этот номер, на цифры, на “восемь” с перекрученной верхней петлей, которую, я заметила, причудливо пишет мой новый босс.

Он что, все-таки искал меня? Он пришел в тот бар, выведал мой номер у администратора?

Я усмехнулась, крепче сжав салфетку в руке.

Умно. Черт возьми, как умно!

И как… бесперспективно теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.